

Самое страшное в смерти от рака, решил я, это не смерть от рака, как ни странно. Ну, смерть от рака - это, конечно, отстой, но это было не самое худшее. Хуже всего было то, что я четыре года отучился до задницы в бакалавриате, потом еще почти десять лет в медицинской школе, стажировался и заканчивал ординатуру, а вдобавок год проработал военным медиком по контракту, чтобы расплатиться за учебу, и до сих пор не заметил признаков. Честно говоря, когда работаешь в армии, от таких мелочей, как усталость и синяки, легко отмахнуться, когда имеешь дело с огнестрельными ранениями, ожогами третьей степени и работаешь по восемнадцать часов в сутки. Когда мое тело наконец сдалось, и я упал в обморок от истощения, мне сказали, что у меня острая лейкемия третьей стадии и что шансы мои невелики. Мой контракт с правительством был расторгнут, и я оказался прикован к больничной койке. Реакция моих друзей и родственников была разной. Мама разрыдалась и выбежала из комнаты. Мой строгий, не терпящий возражений, не принимающий ничего, кроме самого лучшего, отец выглядел так, будто ему только что сообщили, что наступил конец света... или что американский футбол отменен навсегда. Таками Кобе, гордый отаку и мой лучший друг с первого курса колледжа, десять минут орал на меня, что я идиот и какой смысл вообще поступать в медицинский, если я даже не могу поставить себе диагноз, а потом удрал. Он вернулся на следующий день с охапкой книг о раке, решительным выражением лица и моим любимым напитком из Starbucks - карамельным макиато - в качестве извинения. Дэйв, мой засранец старший брат, направил удар мне в лицо, а когда я попыталась увернуться, перенаправил его на мое плечо и слегка задел его. Пробормотав: "Кристина, сука, лучше бы тебе не умирать", он отвернулся, чтобы спрятать подозрительно красные глаза. Генри, мой милый шестилетний племянник и мой самый любимый человек на свете, просто обнял меня, а затем, глядя на меня широко раскрытыми глазами, спросил: "С тобой все будет в порядке, правда, тетя Кристина?" В то время я просто обняла его в ответ, а затем заверила: "Да, черт возьми, для этого мне понадобится нечто большее, чем несколько бунтующих клеток". Оглядываясь назад, я жалею, что дал это обещание. В последние несколько дней я жалел о многом в своей жизни, но больше всего - о том, что не смог сдержать обещание, данное Генри.

День первый (после смерти)

Теперь я знаю, почему люди не помнят своего рождения. Быть протиснутым через вагинальный канал матери - это... чертовски травматично. Неудивительно, что дети появляются на свет с криком.

Хотя поначалу я была в замешательстве, почему мне кажется, что меня больно сжимают через теплую, влажную резиновую трубку, когда я думала, что уже умерла, на самом деле понять, что происходит, было не так уж сложно, когда я услышала слова: "Поздравляю, Юкимура-сан. Это девочка!" Меня даже не очень удивила часть, связанная с реинкарнацией, - я обнаружил, что гораздо больше задумываешься о загробной жизни, когда тебе осталось жить всего несколько недель, не больше. Я думал о рае, аде, забвении, реинкарнации. Поэтому меня не удивило, что я перевоплотился. Чего я не ожидал и не хотел, так это того, что у меня останутся все воспоминания из прошлой жизни.

День второй нашей эры.

Юкимура Хисана. Это мое новое имя. Полагаю, с именами все могло быть и хуже. Хисана - звучит красиво. Нежно. Изысканно и нежно. Единственная проблема в том, что оно не похоже на меня.

День четвертый.

Люди всегда говорят, что изучение иностранных языков - полезный навык. Все, что я могу сказать, это "аминь". Никогда еще я не была так благодарна за то, что решила изучать японский язык и культуру в колледже. Тот семестр, который я провела за границей в Японии, тоже помог. Спасибо, спасибо Таками за то, что убедил меня выучить японский. Проснуться в теле новорожденного младенца было достаточно плохо, я даже не хочу думать о том, насколько кошмарным было бы это испытание, если бы я не понимала языка. Собирая информацию, я выяснил, что не только родился в другой стране, но и попал в другую эпоху. В эпоху, лишенную благ современных технологий. К черту мою жизнь.

Четырнадцатый день нашей эры.

Помню, в плохие дни, когда меня накачивали химиопрепаратами и тошнило от облучения, я иногда думал, что, как бы ни была мучительна и безнадежна смерть, по крайней мере, я не нахожусь по другую сторону больничной койки. Я лучше умру десятью смертями, чем буду наблюдать, как медленно увядает тот, кого я любил, пока его тело постепенно убивает его. По крайней мере, мне не придется оплакивать его, подумала я. Теперь же, застряв в другой стране, в другом веке, не имея возможности снова увидеть ни семью, ни друзей, я не могу не думать о том, что ирония - жестокая, жестокая сука.

День двадцать один нашей эры.

Забавно, но если поначалу я бесконечно расстраивался из-за того, насколько слабым было мое новое тело, то теперь я благодарен ему за это. Тот факт, что мозг моего тела еще не полностью сформировался, что мне теперь требуется в три раза больше сна, чем раньше, - все это служит буфером от реальности. Сейчас я физически не могу постичь столько же, сколько раньше в своем 32-летнем теле, и я бесконечно благодарен за это.

День тридцать один.

Я обнаружил, что сплю гораздо больше, чем нужно. Мои новые родители беспокоятся, это видно. Как бы эгоистично это ни казалось, я не могу заставить себя беспокоиться. Когда я сплю, я не думаю обо всем, что потерял. Это кажется глупым - мне уже больше тридцати лет, и я должна быть более независимой, чем сейчас. Я не должен так зависеть от своей семьи. Я должна быть счастлива, что получила второй шанс на жизнь после того, как мой предыдущий был оборван. Таками ударил бы меня, увидев, как я себя веду, и накричал бы на меня, чтобы я перестал хандрить. Привычка - это одна из тех вещей, которые можно оценить, только когда тебя бросают в место, где все по-другому.

День сорок второй.

Я понял, что голос Таками в моей голове прав. Быть таким раздражительным действительно не похоже на меня. Из-за чего, черт возьми, я так расстроился? Мои родители, Дэйв, Генри, Таками и остальные не умерли. Им, наверное, в любом случае гораздо лучше, чем мне, просто в силу того, что им хотя бы не нужно менять подгузники. И хотя им будет меня не хватать, я знаю, что они не позволят моей смерти помешать им жить. Мне тоже будет их не хватать, и я всегда буду помнить о них, но, честно говоря, полтора месяца от роду - это слишком мало, чтобы бороться с депрессией.

Один год от роду.

Слава богу, что Дэйв заставлял меня нянчиться с Генри. Иначе я бы понятия не имела, как вести себя с нормальным ребенком. А так я приурочиваю все свои первые шаги (первое слово, первый раз ползет, первый раз ходит и т. д.) к шагам Генри.

<http://tl.rulate.ru/book/103014/3574256>